

советской дипломатии, занятая в вопросе объединения ГДР и ФРГ, при этом особо выделялась готовность Советского Союза уважать свободу выбора немецкого народа, а также вновь подтвержденное намерение СССР вывести свои войска с территории ГДР¹³. Во время визита в Москву 15—16 июля 1990 года канцлера ФРГ Г. Коля, представлявшего на переговорах с советским руководством и интересы ГДР, немецкой стороной было отмечено, что Советский Союз зажег зеленый свет объединению Германии, сняв свое возражение по поводу возможного членства ГДР в НАТО, что, по ее мнению, будет означать начало нового этапа в мирном сотрудничестве на европейском континенте¹⁴.

Отмечая изменения в оценках внешней политики СССР, следует также отметить и такой важный вывод, распространенный в работах советологов ФРГ, согласно которому уже исключается возврат к ранее используемым методам в советской внешней политике. Это означает, что настойчивая и последовательная борьба СССР за внедрение в международные отношения нового политического мышления уже начинает приносить ощутимые результаты в виде не только подписанных договоров и соглашений, но и перемен в сознании политиков и простых людей на Западе, все меньше верящих в «агрессивность СССР» и в миф о советской угрозе.

В. Ф. Мамонов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТРОЦКОГО

Его называли то гением, то демоном революции. Для того и другого вполне достаточно оснований. В. И. Ленин, отнюдь не склонный идеализировать Л. Д. Троцкого, отмечал в знаменитом «Письме к съезду», что лично он, пожалуй, наиболее талантливый член ЦК. А ведь это был ЦК гигантов. Таланты Троцкого, его организаторский дар, его личное мужество не могли отрицать даже самые злобные его враги, вроде И. В. Сталина.

Было и другое. Во время войны, тем более войны гражданской, человеческая жизнь недорого стоит. Но даже и на этом фоне имя Троцкого многим внушало ужас. Люди, прошедшие от начала до конца войну империалистическую и войну гражданскую, сотни раз рисковавшие своей жизнью и посылавшие на смерть других, даже они нередко порицали Троцкого за излишнюю жестокость, склонность в каждой вине видеть измену, в каждом оппоненте — врага. Легенды ходили о беспощадности Л. Д. Троцкого. Он утверждал порядок и дисциплину в Красной Армии действительно железной рукой, не останавливаясь перед массовыми расстрелами командиров и политработников частей, даже целых соединений, если они, например, отступали без приказа. А иногда в подобных случаях расстреливали также и каждого десятого бойца, независимо от личной вины.

Но, порицая Троцкого за жестокость, его критики обычно добавляли: иначе армию не создашь, иначе войну не выиграешь. На этом, в общем-то, сходились самые различные люди, как бы они лично ни относились к Л. Д. Троцкому. И авторитет его в годы гражданской войны был необычайно высок. С конца 1920 — начала 1921 годов, со знаменитой дискуссии о профсоюзах идет закат политической карьеры Троцкого, вначале не очень ощутимый, потом все более и более заметный. Следуют одно за

¹³Suddeutsche Zeitung, 24 April, 1990, Die Zeit, 18 Juli, 1990, Neues Deutschland 16—17 Juli, 1990

¹⁴Правда, 16—17 июля 1990; Международная жизнь, № 9, 1990, с. 32—39.

другим поражения во внутривластной борьбе. И вот Троцкий уже исключен из партии, сослан в Алма-Ату, а в 1929 г. и вообще выслан из СССР. В 1929 году незадолго перед этим, у нас в стране выходит его брошюра. Последняя. Изданные же ранее работы Троцкого перемещаются на уютные полки в шкафах спецхранов. Конечно, специалисты заглядывали в них, получив соответствующее разрешение. Но процитировать его, даже для того, чтобы потом раскритиковать, историку было практически невозможно.

Книги «К истории русской революции», «Сталин» и четыре тома материалов из архива Л. Д. Троцкого¹ практически первые ласточки, которые, правда, еще не делают весну. Но эти издания имеют принципиальное значение, учитывая долгие годы фактически полного карантина в отношении к работам Л. Д. Троцкого.

Сборник «К истории русской революции» подготовлен Н. А. Васецким — несомненно, одним из лучших в стране специалистов по истории Троцкого и троцкизма. Он же написал к книге и довольно большую вступительную статью, которая, по существу, является попыткой дать соответствующую новым условиям и обстановке трактовку политической биографии Л. Д. Троцкого, оценку его деятельности. Издание поэтому претендует, и с вполне достаточным основанием, на научность. Но тем больший с него спрос.

Первое, что вызывает в нем серьезные возражения или, по крайней мере, сомнения — обоснованность включения в данный сборник именно этих, а не иных работ. Наследие Л. Д. Троцкого весьма разнообразно и многогранно. А поскольку речь идет о наследии виднейшего революционера, то, конечно, практически любую его работу можно подвести под рубрику «К истории русской революции». Здесь нет проблем. Проблема в том, что именно отобрать для публикации в первом за 61 год издании трудов Л. Д. Троцкого, а что практически безболезненно опустить. На наш взгляд, Н. А. Васецкий решил эту проблему не вполне удовлетворительно. Это сказалось прежде всего в том, что работы (причем практически все) даются все-таки в сокращении. Читаешь, читаешь текст и вдруг натыкаешься на многоточие в аккуратных таких скобочках. Все равно, как если бы разглядывая картину Рафаэля вместо носа у мадонны обнаружил табличку с указанием, что он сдан в спецхран. Конечно, Л. Д. Троцкий мало напоминает мадонну Рафаэля, но здесь важен принцип. На наш взгляд, вместо фрагментарного включения в книгу тех или иных работ Л. Д. Троцкого было бы целесообразней дать их пусть меньше, но зато полностью.

Но даже если согласиться (по необходимости) на издание с купюрами, то и в этом случае подбор работ очень и очень спорный. Зачем, например, было включать в это издание явно слабую, чтобы не сказать ученическую, брошюру Троцкого «Наши политические задачи»? Только потому, что это первая, относительно крупная, работа Л. Д. Троцкого и надо обязательно познакомить с ней читателя? Но она ведь сейчас может быть интересной только узким специалистам. А они-то как раз ее прекрасно знают, поскольку работа не раз издавалась до и после революции. В крайнем случае, читали ее в спецхранах, а сейчас вполне могут прочитать по одному из старых изданий в любой сколько-нибудь солидной библиотеке. А вот из «Преданной революции», практически неизвестной даже большинству историков, не взято ни одного фрагмента. Совершенно ничего не использовано из интереснейшей, причем не только для специалистов, автобиографии Л. Д. Троцкого («Моя жизнь. Опыт автобиографии»).

¹Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., Политиздат, 1990; Троцкий Лев. Сталин. Т. 1—2 — Терра. 1990; Архив Троцкого. Т. 3—4 — Терра, 1990.

Очень субъективен, чтобы не сказать больше, подбор работ, относящихся к периоду гражданской войны. Из всего сборника «Как вооружалась революция» взяты лишь написанные Л. Д. Троцким тезисы ЦК РКП(б) «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд». В результате у не очень осведомленного читателя вполне может сложиться искаженное представление о Троцком времена гражданской войны. Странная получается картина: нет и как будто не было Л. Д. Троцкого — председателя Реввоенсовета республики, Л. Д. Троцкого — наркома, одного из главных создателей и руководителей Красной Армии. Есть только Л. Д. Троцкий — идеолог трудовых армий. Конечно, все это достаточно далеко от исторической действительности, но зато идеально вписывается в концепцию политической биографии Л. Д. Троцкого, предлагаемую нам доктором исторических наук Н. А. Васецким. При всем том составитель и издатели сборника сделали большое и нужное дело. Достаточно широкая читательская аудитория, а не только узкий круг специалистов, сейчас имеют возможность познакомиться, пусть даже во фрагментах, с подлинными работами Л. Д. Троцкого, а не с затасканными цитатами из них, выписанными в свое время еще И. В. Сталиным и повторявшимися на протяжении шестидесяти с лишним лет в книгах по истории.

Несомненно, что наибольший интерес вызовут работы, непосредственно относящиеся к истории Октябрьской революции, одним из наиболее деятельных участников которой был Л. Д. Троцкий. В этом смысле, на наш взгляд, особенно интересны фрагменты из «Истории русской революции», воспоминаний о В. И. Ленине и, конечно же, нашумевших «Уроков Октября». Разумеется, сейчас многое в этих работах прочитываешь по-новому. Можно спокойно, без лишних эмоций, разобраться в предлагаемой Л. Д. Троцким версии подготовки и проведения октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, роспуска Учредительного собрания, организации советской, особенно правительственной работы в первые послеоктябрьские месяцы. Здесь, пожалуй, наибольшую ценность представляют великое множество мелких и мельчайших, на первый взгляд, деталей, относящихся к закулисной стороне событий, о которой и до сих пор в работах по истории не очень-то часто можно найти сведения. Любопытны, например, детальки, связанные с июльским кризисом 1917 года, травлей большевиков, арестом самого Л. Д. Троцкого; несомненно интересны материалы, касающиеся работы петроградского Совета, особенно во время руководства им Троцкого. Интересны приводимые автором сведения по поводу разногласий в ЦК и Совнарком в связи с отменой смертной казни на фронте, а также по вопросу о том, следует ли немедленно созывать или же несколько отсрочить созыв Учредительного собрания.

Конечно, нет нужды особо оговаривать необходимость самой тщательной проверки с помощью других источников приводимых Л. Д. Троцким сведений и фактов. И не только потому, что свои воспоминания Л. Д. Троцкий писал, не всегда заглядывая в документы, а память человеческая — источник не самый надежный. Дело еще и в том, что, как практически любой сколько-нибудь крупный политик, Л. Д. Троцкий обращался к истории не столько ради самой истории, сколько из-за самых утилитарных политических соображений. Например, «Уроки Октября» было бы очень опрометчиво воспринимать как трактат по истории русской революции. Это скорее боевой памфлет, направленный против наиболее опасных политических врагов Троцкого середины 20-х годов. А ими были тогда Зиновьев и Каменев, сыгравшие главную роль в оттеснении Троцкого от руководства партией.

В «Уроках Октября» Л. Д. Троцкий и сводит с ними политические счета.

Самым тщательным и аккуратным образом он фиксирует все мельчайшие, микроскопические даже ошибки Зиновьева и Каменева, имея перед собой одну главную цель — доказать, что они-то и являются настоящими правыми оппортунистами в РКП(б). О Сталине в «Уроках Октября» практически нет и речи. Правда, в последующих работах Троцкий нашел, по крайней мере, пытался найти в его поведении от февраля до октября 1917 года очень серьезные изъяны. Но это поздней. Когда же писались «Уроки Октября», у Троцкого, видимо, были надежды на заключение блока со Сталиным или хотя бы его нейтралитет в борьбе Троцкого с Зиновьевым и Каменевым. Основанием для этих несбывшихся надежд было то, что тогда И. В. Сталин, осуждая, правда, политическую позицию Л. Д. Троцкого, возражал против его исключения из партии, чего требовали Зиновьев и Каменев.

Стоит проанализировать, как менялось от работы к работе отношение Л. Д. Троцкого к В. И. Ленину. Он великолепно понимал силу авторитета В. И. Ленина в партии, стране и пытался точно так же, как, впрочем, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Сталин, да и другие, опереться на этот авторитет. В изображении Троцкого Зиновьев и Каменев в 1917 году едва ли не главные оппоненты и даже политические противники Ленина среди большевиков. Он их и бьет постоянно ленинскими цитатами. При всем том, Л. Д. Троцкий как бы между прочим не упускает случая покритиковать и ленинские ошибки или, по крайней мере, то, что он такими ошибками считает. Это касается, например, вопросов о том, где следовало начинать вооруженное восстание — в Москве или Петрограде, о сроках восстания и ряда других. Вообще же, судя по «Урокам Октября», в 1917 году лишь один политический деятель в России не сделал ни единой ошибки, а именно, Лев Давидович Троцкий. Такая позиция тогда у Троцкого более или менее понятна. Он надеялся еще стать первым руководителем и доказывал свое преимущество не только по сравнению с живыми Зиновьевым и Каменевым, но и по сравнению с умершим Лениным.

Позднее, когда стала очевидна несбыточность его плана прихода к власти, Л. Д. Троцкий довольно серьезно изменил свою линию. В более поздних его работах В. И. Ленин — никогда не ошибающийся гигант, и чьи бы то ни было попытки поставить себя вровень или хотя бы рядом с ним — смешны. Доказывая это, Л. Д. Троцкий метил в И. В. Сталина. Интересна и другая черта более поздних работ Л. Д. Троцкого. В них он уже не претендует на исправление ошибок Ленина, но зато как-то так получается, что почти полностью исчезают и имевшие место раньше разногласия между ним и Лениным. Да и вообще В. И. Ленин постепенно все больше начинает напоминать Льва Давидовича. Впрочем, точно так же поступали и политические оппоненты Л. Д. Троцкого, тот же И. В. Сталин. В целом же «Уроки Октября» необходимы историкам, но не столько для изучения истории Октябрьской революции, сколько для изучения истории борьбы в руководстве РКП(б) после смерти В. И. Ленина.

Сборники произведений Л. Д. Троцкого чрезвычайно важны, потому что дают возможность лучше увидеть и понять самого автора — эту громадную по масштабам и очень противоречивую личность, с ее колоссальными достоинствами и недостатками, с его громадным умом и, кажется, (может быть только задним числом) просто непостижимыми заблуждениями. Даже простое чтение его работ разрушает массу наивных легенд, своим зарождением обязанных главным образом весьма широко распространенному невежеству в области истории. Взять хотя бы версию о Троцком, как чуть ли не о главном вожде демократической оппозиции в РКП(б) Сталину. Легенда эта получила довольно широкое хождение, причем чуть ли не единственным ее обоснованием является то, что Л. Д. Троцкий, когда его стали устранять сначала из ЦК, а потом и вообще из партии, действительно

писал, что это со стороны И. В. Сталина недемократично. Но достаточно даже бегло просмотреть работы Л. Д. Троцкого, чтобы убедиться: он и сам-то слово «демократия» употреблял, как правило, в кавычках. Демократами он (будучи еще, правда, в силе) ругал то меньшевиков, то Зиновьева с Каменевым. А это было, по его понятиям, едва ли не тягчайшим обвинением. Поэтому вряд ли таким уж неуместным выглядит сомнение в демократизме и самого Л. Д. Троцкого.

Из напечатанных в анализируемых сборниках работ Л. Д. Троцкого кажется наименее интересной наиболее нашумевшая за последние годы его книга «Сталин». В общем-то, автора трудно обвинять за это — он книгу не успел дописать, подготовив к изданию на английском языке лишь первый том. Второй том по необработанным рукописям составляли уже другие люди. Поэтому в книге масса повторов, есть противоречия, вообще она производит впечатление несколько рыхловатой.

Но дело не только в этом. Л. Д. Троцкий, по сути дела, успел довести в первом томе повествование лишь до октября 1917 года, до времени, когда он лично узнал (точнее лишь начал узнавать) И. В. Сталина по совместной работе. До этого их знакомство было лишь очень поверхностным. Второй же том, как сказано, дописан не был. Есть и другие достаточно существенные недостатки. Поставив перед собой задачу разоблачать сталинскую легенду, усиленно создававшуюся тогда в СССР, Троцкий доходит до смешного, до того, что на полном серьезе обсуждает вопрос, был ли Сталин во время учебы в духовной семинарии действительно самым лучшим учеником или только одним из лучших. Вообще же в первом томе такая масса не идущих к делу мелочей, к тому же написанных по довольно сомнительным источникам (других у Л. Д. Троцкого просто под рукой не было, когда он работал над книгой о Сталине), что это существенно снижает интерес к книге.

Во втором томе, который в общем значительно более интересен по обилию, пусть и не вполне обработанных личных воспоминаний автора, ему сильно вредит постоянное противопоставление себя И. В. Сталину, постоянное подчеркивание того, что он, Л. Д. Троцкий, был и считался деятелем более крупным, чем И. В. Сталин. Это в общем-то соответствует действительности, но когда читаешь такое у самого Л. Д. Троцкого в шестой или седьмой раз, то невольно начинаешь сомневаться. При всем том, любой историк, конечно же, прочитает эту книгу. Кроме всего прочего, она принесет ему уже ту пользу, что поможет увидеть действительный источник вдохновения великого множества авторов, даже довольно именитых, которые в соответствии с установившейся уже давно традицией, более или менее грамотно переписывая Л. Д. Троцкого, тут же считают возможными его раскритиковать, причем подчас довольно бесцеремонно.

Все четыре тома материалов архива Л. Д. Троцкого, относящиеся к 1923—1927 годам, т. е. временам апогея внутривластной борьбы в РКП(б) чрезвычайно интересны, поскольку содержат подлинные документы. Недостаток здесь тот, что в сборнике перепечатывались из архива и соответствующих зарубежных изданий не все документы Л. Д. Троцкого, а лишь выборочно. Выбиралось же для печати то, что считается сейчас «нужным» и «актуальным». Надо сказать, что и вообще, вышедшие независимо одно от другого, издания работ Л. Д. Троцкого оказались слишком уж зависимыми от того, что считается сегодня злобой дня. Особенно это сказалося на издании архива Троцкого. Конечно же, не случайно, что в первую очередь была издана «злословная» сегодня книга «Сталин» и что из архива оказались извлечены лишь документы 1923—1927 гг., когда Л. Д. Троцкий был в оппозиции. Вот уже действительно ирония судьбы: громадный по масштабам политический деятель, каким является Л. Д. Троцкий, и до сих пор обязан своим изданием, к сожалению,

лишь тому интересу, который проявляют сегодня к Сталину, против которого он так долго и упорно боролся.

А в общем, при неизбежных, видимо, недостатках и издержках, эти издания произведений Л. Д. Троцкого — достаточно серьезное событие, по крайней мере, для историков, да и вообще всех, кто интересуется историей нашего государства.

Несколько слов о примечаниях к работам Л. Д. Троцкого. Богословы говорят: важна не столько библия, сколько примечания к ней. Они в чем-то правы. Издание книг определенного типа не может быть вполне удовлетворительным без серьезного справочного аппарата, в частности, примечаний. К сожалению, издатели архива Троцкого от примечаний отказались вообще. Поэтому даже историку постоянно приходится что-то уточнять, наводить справки, зачастую в книгах довольно редких. Не историку выполнить эту работу, конечно, гораздо трудней. Поэтому, на наш взгляд, сборник «К истории русской революции», подготовленный Н. А. Васецким, выгодно отличается именно тем, что содержит необходимый справочный аппарат. Примечания выполнены в целом на хорошем уровне. Правда, не обошлось и без курьезов, интересных с психологической стороны. Судя по всему, выработывавшаяся десятилетиями привычка с подозрением относиться к каждому слову Троцкого, сказывается и сейчас. Например, вот как прокомментирован рассказ Л. Д. Троцкого о размолвке между ним и И. В. Сталиным в связи с довольно-таки неловким зубоскальством последнего по поводу романа между А. М. Коллонтай и П. Е. Дыбенко. Рассказав об этом зубоскальстве, Л. Д. Троцкий пишет: «Не помню, просто ли я промолчал, отведя глаза, или сказал сухо: это их дело».

Н. А. Васецкий считает, что здесь Троцкого нужно непременно поправить. И дает в примечании: «Отношение Троцкого к этому эпизоду было не совсем таким спокойным, как он это изобразил сам. В книге известного бизнесмена и общественного деятеля США А. Хаммера «Мой век — двадцатый. Пути и встречи» (М., 1988) отмечается, что Троцкий был одним из тех членов ЦК, которые особенно резко осуждали отношения Коллонтай и Дыбенко. Когда они, покинув занимаемые ими посты, неожиданно уехали из Петрограда в Крым, Троцкий в ультимативной форме потребовал их казни».

В общем-то, эпизод этот достаточно хорошо известен. Известно также, что Л. Д. Троцкий действительно требовал смертной казни для Коллонтай и Дыбенко, но не за то, что у них была любовная связь, а за то, что будучи наркомаами, оба они в тяжелейшей для страны обстановке бросили занимаемые посты и устроили себе, по причине великой любви, каникулы в Крыму. Как известно, предложение Троцкого не прошло. Но вряд ли автора этого предложения следует представлять перед неискушенным читателем в виде какого-то выступающего против любви аскета или хуже того — лицемера. Ни тем, ни другим он не был.

Но в общем, таких тенденциозных примечаний у Н. А. Васецкого немного. Справочный аппарат к подготовленному им изданию выполнен серьезно и очень квалифицированно.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

В политической истории России особое место принадлежит I-й Государственной Думе. Она была созвана Николаем II под напором масс в условиях революции. С Думой многие связывали надежды на демократическое обновление России, в ней хотели видеть подлинный российский парламент. Конечно, это было преувеличением. Возможности Думы, как